

УДК 81'25

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОСТОРЕЧИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.П. ЧЕХОВА И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

М.В. Баканова, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

PHONETIC VERNACULARS IN THE WORKS OF A.P. CHEKHOV AND WAYS OF THEIR TRANSLATION INTO ENGLISH

M.V. Bakanova, Penza State University, Penza, Russia

Аннотация. В статье проводится анализ особенностей использования фонетических просторечий в произведениях А.П. Чехова и определяются основные типы данного вида лексики в произведениях А.П. Чехова. Приводятся примеры используемых просторечий А.П. Чеховым. Выявляются способы перевода фонетических просторечий в произведениях А.П. Чехова на английский язык. Делается вывод о стилистической нейтрализации как основной черте перевода русских просторечий фонетического уровня на английский язык.

Ключевые слова: разговорный русский язык, фонетическое просторечие, нейтрализация, контекстуальная замена.

Abstract. The article analyzes the features of the use of phonetic vernaculars in the works of A.P. Chekhov and defines the main types of this type of vocabulary in his works. The examples of the vernaculars used by A.P. Chekhov are given. The ways of translating phonetic vernaculars into English in the works of A.P. Chekhov are revealed. The conclusion is made about stylistic neutralization as the main feature of the translation of Russian vernaculars of the phonetic level into English.

Key words: spoken Russian, phonetic vernacular, neutralization, contextual substitution.

E-mail: bakanova_marina@list.ru

Язык и стиль А.П. Чехова характеризуется высшей степенью оригинальности и самобытности. Неоспорим тот факт, что язык его поздних произведений, таких как «Вишневый сад» и «Дама с собачкой», не мог возникнуть сразу в той совершенной форме, которой не перестают восхищаться многие поколения читателей. Он явился результатом упорной работы писателя с разносторонним языковым материалом, в который он погрузился в самом

начале своего творческого пути. Находя на улицах города героев фельетонов, этюдов и юморесок, при их описании А.П. Чехов сохраняет и их речевые особенности, важнейшей составляющей которых было просторечие.

Язык А.П. Чехова признается исследователями уникальным, что связано с его активной и осознанной позицией к использованию ненормированной лексики в русском языке в конце XX века, в то время как ученые того столетия посвящали свои труды функционированию чистого и правильного русского языка. К А.П. Чехову можно применить высказывание В.В. Виноградова: «Пользуясь общенародным языком своего времени, он <писатель> отбирает, комбинирует и, в соответствии со своим творческим замыслом, объединяет разные средства словарного состава и грамматического строя родного языка... Отступая в силу тех или иных художественных задач от этих норм и правил, писатель обязан внутренне эстетически оправдать <...> свои нарушения общей национальной языковой нормы» [2, с. 183–184].

В художественных произведениях писателя можно найти большое количество просторечий, которые, «не отличаясь от соответствующих элементов литературного языка ни своим значением, ни экспрессивной окраской, характеризуются лишь отклонением их звукового состава или грамматической формы от общепринятых норм литературного выражения» [4, с. 91]. Данная характеристика особенностей просторечий этой группы, на наш взгляд, является слишком обобщенной и не позволяет выделить фонетические или грамматические просторечия. Мы считаем, что было бы справедливо разделить фонетические просторечия на два подтипа: заимствованные слова и собственно русские просторечия, которые в основном заимствованы из литературного языка с нарушением фонетической формы.

В речи героев произведений А.П. Чехова искажение звукового образа иноязычных слов связано с комбинаторными изменениями звуков, и процесс фонетической адаптации заимствованного слова подчиняется тем же законам, действие которых можно наблюдать в исконно русских просторечиях. Просторечные слова первой подгруппы отражают различную комбинаторику

звуков; ассимиляцию (*левольвер, момпасье*), диссимиляцию (*ахтер, бонда, дирехтур, камельдинер, кондухтыр, кульер, лепетиторы, небель, редахтур, субъект, тульнюр*), метатезу (*лефректорно, невры*), «йотовую» протезу в начале слова, отражающую типично русское избегание зияния (*электричество, эпидемия, еполеты*), диерезу, объясняемую той же причиной (*листократка, люминация, неверситет, фициант*). Как видно, диссимиляция является наиболее частотным явлением из всех комбинаторных звуковых изменений.

Наряду с отмеченными формами, А.П. Чехов использует просторечия, фонетическая форма которых отражает фонетические особенности диалектов. Например, для многих диалектов, принимающих фонему [ф], характерна замена сочетаний [хв], [кв] на звук [ф]. В проанализированных произведениях встречаются такие просторечия, как «*фитанция*», «*фатера*», об употреблении которых Р.И. Аванесов писал следующее: «Вне зависимости от замены хв на ф и значительно шире известна в русских говорах замена сочетания кв звуком ф в нескольких новых заимствованных словах: *ф'итанцьца* вместо «*квитанция*» и, в особенности, *фат'ера* вместо «*квартира*» [1, с. 126]. Совпадение мнений диалектологов и писателя свидетельствует о проникновении диалектики в просторечие и представляет его в качестве реального языкового процесса конца XIX века, одновременно подчеркивая языковой талант А.П. Чехова и отражая наиболее характерные факты разговорной речи.

Отдельные просторечия, используемые А.П. Чеховым, имеют явные признаки народной интерпретации внутренней формы слова с этимологической точки зрения. Так, по нашему мнению, просторечная форма слова «*аблакат*» соприкасается со словом «*облака*» на основе общей семы «что-то обволакивающее». Фонетический облик слова «*тинарейка*» передает характерную трель канарейки. Ойконим *Питинбург* появился, вероятно, под влиянием притяжательного прилагательного Петин.

Выделим основные характеристики этой группы просторечий:

1) А.П. Чехов использует вышеперечисленных лексические единицы только в прямой речи персонажей, обычно неграмотных людей: дворников,

извозчиков, коллежских секретарей, косарей, купчих, кухарок, кучеров, мужиков, нянек, слесарей, слуг, токарей, управляющих, и т. д. В случаях, когда просторечие употребляется в авторской речи, оно дословно повторяет высказывание персонажа.

2) А.П. Чехов использует просторечия только тогда, когда необходимо ввести дополнительное выразительное стилистическое средство.

3) В своих письмах А.П. Чехов также использует отдельные просторечия, такие как «невры», «редахтур», «фатера». Они служат в качестве средства самоиронии и стилизации авторского языка под просторечие.

4) Просторечия в художественных произведениях А.П. Чехова являются отражением этого слоя разговорного русского языка конца XIX века. Одновременно мастерство их употребления говорит о такой особенности языковой личности А.П. Чехова, как свободное владение языковой формой, что позволяет точно выбрать необходимый материал для художественных и других целей повествования.

Второй подтип фонетических просторечий представлен словами русского языка, фонетическая форма которых изменилась в ходе определенных языковых процессов и является нехарактерной для нормативной литературной речи. Во многих просторечиях можно наблюдать те же фонетические явления, которые описаны выше, за исключением диерезы: *андай, андил, вндельский, леригия, надомность, обнаковенно, фартух, ярманка*.

В просторечиях этого подтипа сохраняются древние этимологические согласные, особенно древние формы местоимений и т. д.: *миндаль (медаль), ндравиться, отсрамить, планты, пондравится, проздравить, протчий, страмить, ужасъ, энтакой*.

Характерная огласовка просторечий ярко отражается в текстах произведений А.П. Чехова. Так, широко используются просторечные формы с корневым [о] на месте [а] (*заплотят, уплотен, устраивать*), [ы] на месте [у] (*глыбоко*), [у] на месте [о] или [е] (*сумневаться, сумление, сурьёзный*), [а] вместо [и] (*антирес*).

Рассмотрим особенности перевода фонетических просторечий, встречающихся в рассказах А.П. Чехова. Основным способом перевода фонетических отклонений от нормы, к сожалению, является контекстуальная замена просторечия на нейтральное литературное слово.

Приведем некоторые примеры.

Леригию я исполняю в точности... – And I observe my *religious duties* punctually...

И видал которые лавки, где ружья всякие на манер бариновых, так что небось рублей сто *кажное*... – And I have seen shops where there are guns of all sorts, after the pattern of the master's guns at home, so that I shouldn't wonder if they are a hundred roubles *each*...

В единичных случаях переводчики применяют прием модификации с целью достижения эквивалентности перевода, однако переводческие решения представляются не вполне удачными.

Извините, мамап, но так поступают одни только *эксплоататоры*. – You must excuse me, madam, but it's only *swindlers* who behave like that.

Существительное «эксплоататоры» передает фонетические неточности воспроизведения иностранного слова героем рассказа «Свадьба», не слишком образованным молодым человеком. В переводе применен прием контекстуальной замены, однако подобранный эквивалент “swindlers” «жулик, мошенник» звучит достаточно грубо, и слова героя, обращенные к теще в день свадьбы, являются оскорбительными.

В проанализированном материале было обнаружено единственное просторечие, переведенное с помощью транскрипции – это «эгоистицизма» → “egoisticism” с пометкой «так в оригинале». Применение этого приема оказалось возможным благодаря тому, что в русский и английский языки это слово пришло из общего источника – латинского языка:

Я ведь это не из *эгоистицизма* – мне ваши билеты не нужны, но я из принципа, и надувать себя никому не позволю. – I'm not doing this out of

egoisticism [Note: So in the original] – I don't want your tickets – but on principle; and I don't allow myself to be done by anybody.

Таким образом, приведенные выше примеры просторечных слов свидетельствуют о том, что в произведениях А.П. Чехова достаточно широко отражаются фонетические особенности русского просторечия конца XIX века. Что касается способов перевода просторечий фонетического уровня, из 32 отобранных для анализа лишь 5 переведены с помощью приема модуляции, одно – с помощью транскрипции, остальные 26 фонетических просторечий при переводе на английский язык подверглись контекстуальной замене.

Очевидно, просторечия фонетического уровня представляют собой наибольшую сложность для переводчика, однако английский язык располагает достаточным количеством языковых средств различных уровней, которые можно было бы использовать с целью сохранения коннотативного значения фонетических просторечий.

Список литературы

1. Аванесов Р.И., Орлова В.Г. *Русская диалектология*. – М.: Наука, 1984. – 306 с.
2. Виноградов В.В. *О языке художественной литературы*. – М.: Гослитиздат, 1959. – 656 с.
3. Кудинова Т.А. *Просторечие и диалект в языке А.П. Чехова: К характеристике языковой личности писателя: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01*. – Ростов-на-Дону, 2000. – 239 с.
4. Митрофанов Г.Ф. *К вопросу о понятии просторечия в современном русском языке / Труды Томского гос. ун-та им. В.В. Куйбышева*. – 1980. – Т. 138. – С. 82–97.